УДК 316.4.063 + 325.2(470) + 314.743(44) + 316.733

Е. В. Грунт
О. Журавлева-Леенаф

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЭМИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

В статье дается анализ культурной идентичности русскоязычных эмигрантов в современной Франции. Особое внимание авторы уделяют тому, в какой степени и какими способами эмигранты достигают соответствия (совместимости) с новой для них культурной средой, принимая или отвергая ее, насколько они способны приобрести новую культурную идентичность или сохранить старую.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иммигранты, эмигранты, русскоговорящие, Франция, культурная идентичность, культурная среда, интеграция.

Конец XX — начало XXI в. ознаменованы глобализационными процессами: стиранием межнациональных и культурных границ, «макдонализацией», унификацией культуры, высокой миграционной подвижностью населения. Произошло разрушение социальных институтов, формирующих идентификационный процесс. В этих условиях размываются традиционные основы культурной идентичности личности. Культурная идентичность сегодня превращается в центральную и повседневную проблему для каждого человека, для наций и государств.

Сегодня Россия является не только одной из лидирующих стран, принимающих мигрантов, но и страной исхода россиян за рубеж на постоянное место жительство. Одной из стран, принимающих российских мигрантов, является современная Франция.

Однако, если говорить о Франции, то первая волна русской эмиграции в эту страну была связана со временем правления Екатерины II. В этот период шел интенсивный обмен между двумя культурами. В России французский язык длительное время был основным языком, на котором говорило российское дворянство и пр. Это был период добровольной эмиграции россиян во Францию.

Вторая волна русскоговорящей эмиграции в эту страну связана с Октябрьской революцией и Гражданской войной, когда часть интеллигенции была вынуждена эмигрировать из России. Одной из таких стран стала Франция.

После распада Советского Союза новая волна русскоязычной эмиграции хлынула во Францию.

Как живут русскоязычные эмигранты в современной Франции? Насколько они пытаются сохранить свою культурную идентичность и приобрести новую? Эти и другие вопросы мы исследовали в процессе социологического исследования.

Исследование проведено в Париже и Ницце в 2014–2015 гг. Эти города выбраны не случайно, так как именно в них проживает значительное число русскоязычных эмигрантов.

Методами сбора первичной информации выступили анкетный опрос, глубинное интервью, включенное наблюдение и анализ данных государственной

© Грунт Е. В., Журавлева-Леенаф О., 2015

статистики. Методом анкетирования опрошено 300 русскоязычных эмигрантов. В ходе глубинного интервью опрошено 5 представителей русскоязычной диаспоры.

Прежде чем перейти к анализу культурной идентичности русскоязычных эмигрантов, проживающих во Франции, определимся с понятиями.

Идентичность является сложным, многогранным понятием. Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к данному понятию. Мы солидарны с мнением В. А. Ядова о том, что идентичность — это чувство принадлежности к социальной общности, обеспечивающее подчинение индивида социальной группе, а также групповую защиту, критерий оценки и самооценки [2, *9*]. Идентичность отождествляется им с социально-групповой солидарностью [3]. Как отмечает ученый, и с этим нельзя не согласиться, основной механизм социальной идентификации — сопоставление (или противопоставление) интересов, взглядов, ценностей, оценок, моделей поведения своей группы (общности) тем группам, которые рассматриваются как чужие (или враждебные), интересы которых безразличны для данной общности или являются конфликтными [2, *14*].

Под культурной идентичностью мы понимаем процесс и результат отождествления личности с ценностями и нормами культуры другой социокультурной группы, в которой происходит ее самоутверждение [1, *9*]. Можно различать внешнюю идентичность (социальную), которая зачастую имеет демонстративный характер, и внутреннюю (самоидентификацию), когда у индивида формируются осознанные убеждения и его внутренние установки. Внешняя идентичность не всегда переходит во внутреннюю. Эмоциональный компонент культурной идентичности — чувство принадлежности индивида к другой культуре — может не только способствовать объединению ее с другой культурой, но и служить средством отчуждения. Как отмечает П. Шерадо, наши привычки, стиль и ритм жизни, манера общения, ценности, нормы, практика показывают нам, кто мы есть. Это ярко проявляется, когда индивид встречает «иностранца» (представителя иной культуры).

Когда «Я» сталкивается с «Другим» (другой культурой, представителем иной культуры), именно через эту самую «разницу» индивид может отождествлять себя со своей культурой: «другая культура помогает нам понять, кто есть мы» [5, *65*]. О наличии культурной идентичности, свидетельствуют как ее внешние признаки (поведенческий и языковой компоненты), так и внутренние признаки (когнитивный, психосоциокультурный и эмоциональный компоненты). Мы согласны с мнением А. Мюкшели о том, что культурная идентичность предполагает формирование устойчивых качеств у индивида, благодаря которым те или иные культурные явления или люди вызывают у него симпатию или антипатию; в зависимости от этого он выбирает соответствующий тип, манеру и форму общения [4].

Рассмотрев основные понятия, перейдем к анализу культурной идентичности русскоязычных эмигрантов во Франции.

Кто такие русскоязычные эмигранты по своим социально-демографическим характеристикам? Исследование показало, что среди респондентов практически в равной степени представлены как женщины (52,0 %), так и мужчины (48,0 %).

Что касается возраста респондентов, то большинство из них находятся в возрасте 30–40 лет (половина опрошенных), 15,0 % респондентов в возрасте до 25 лет, около 20,0 % опрошенных — представители старших возрастных групп (40–60 лет).

Исследование зафиксировало достаточно высокий уровень образования русскоязычных эмигрантов (рис. 1)

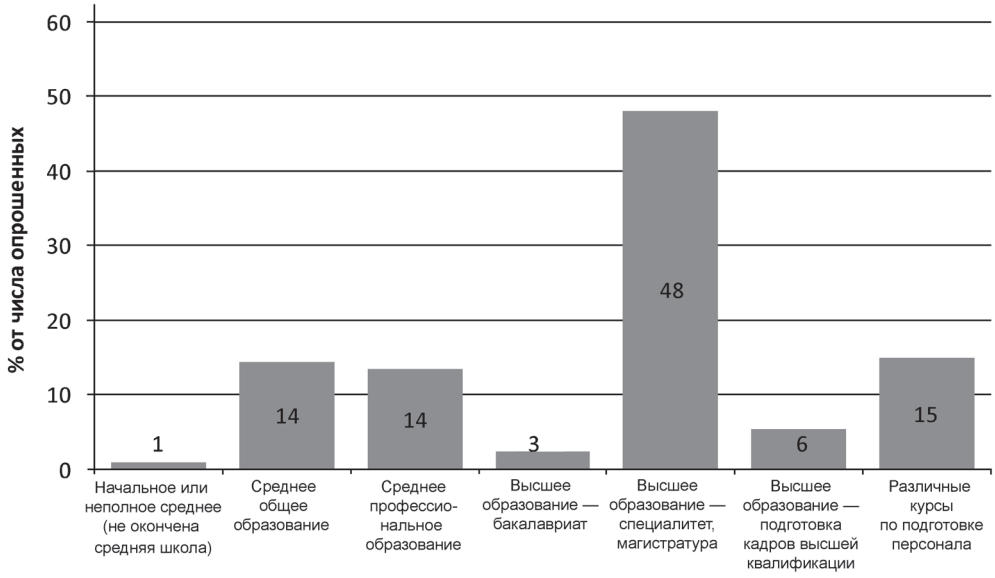

Рис. 1. Уровень образования русскоязычных эмигрантов

Как видно из рисунка, половина опрошенных респондентов имеет высшее образование, высокий уровень образования, несомненно, способствует их успешной адаптации в новой культуре; 52,0 % опрошенных эмигрантов получили свое образование в стране, откуда приехали (Россия, Украина, Беларусь и др.); каждый четвертый эмигрант получил образование во Франции, каждый пятый — в другой стране (Канада, Великобритания и др.).

Исследование зафиксировало достаточно высокий уровень занятости русскоязычных эмигрантов (поведенческий компонент культурной идентичности) (рис. 2). Стоит обратить внимание на тот факт, что в условиях роста безработицы в стране временно безработными являются лишь 6,5 % опрошенных эмигрантов.

Проанализировав данные исследования в сфере занятости русскоязычных эмигрантов, в целом можно констатировать, что, поскольку большинство русскоязычных эмигрантов — это работающее население, кроме того, владеющее собственным бизнесом (17,5 %), занятое в финансовой и управленческо-юридической сферах (7,5 и 6,0 % соответственно), то уровень материального достатка эмигрантов и их социальный статус достаточно высок. Кроме того, об этом говорят цифры, подтверждающие удовлетворенность материальным положением эмигрантов и их социальным статусом (психосоциальный компонент культурной идентичности). Исследование показало, что 71,0 % опрошенных

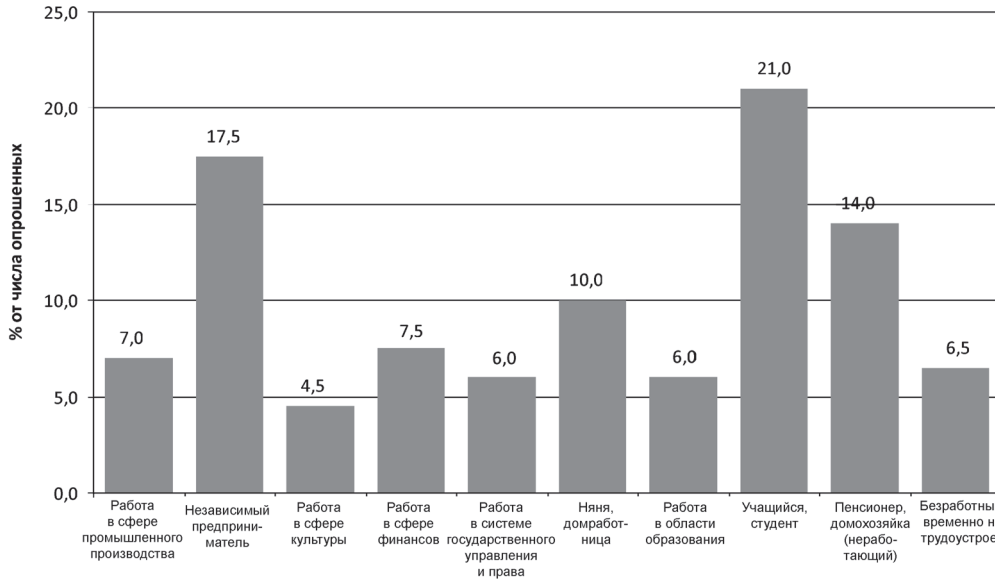

Рис. 2. Уровень занятости русскоязычных эмигрантов

эмигрантов во Франции удовлетворены своим материальным положением; 21,0 % проживающих в этой стране сомневаются по поводу удовлетворенности своим материальным положением, склоняясь в большей степени к удовлетворенности, нежели к неудовлетворенности. Лишь 8,0 % опрошенных указало на то, что их не удовлетворяет имеющееся у них материальное положение. В основном это студенты, живущие на попечении родителей и имеющие частичную занятость, а также люди, не имеющие в данный момент работы. Эти показатели вполне коррелируют с данными о занятости эмигрантов. К тому же материальное положение эмигрантов (женского пола) могло улучшиться в связи со вступлением в брак и переходом на обеспечение семьи. Большинство эмигрантов покинули Россию в период кризиса и/или сразу после окончания университета, когда стабильное материальное положение оценивать было рано.

Исследование зафиксировало, что 60,0 % русскоговорящих эмигрантов удовлетворено своим социальным статусом. Эти данные также коррелируют с данными о занятости эмигрантов (рис. 3).

В исследовании нас интересовал вопрос об изменении материального положения и социального статуса эмигрантов после переезда во Францию. Так, 43,0 % опрошенных улучшили свой социальный статус при переезде во Францию, для 29,0 % респондентов он не изменился; 11,0 % полагают, что их социальный статус понизился; 17,0 % затруднились ответить на этот вопрос. Что касается материального положения, то 43,0 % эмигрантов улучшили свое материальное положение, для 20,0 % оно практически не изменилось, а 20,0 % ухудшили свое материальное положение при переезде во Францию.

Мы охарактеризовали представителей русскоязычной диаспоры по социально-демографическим признакам. Данные нашего исследования свидетельствуют

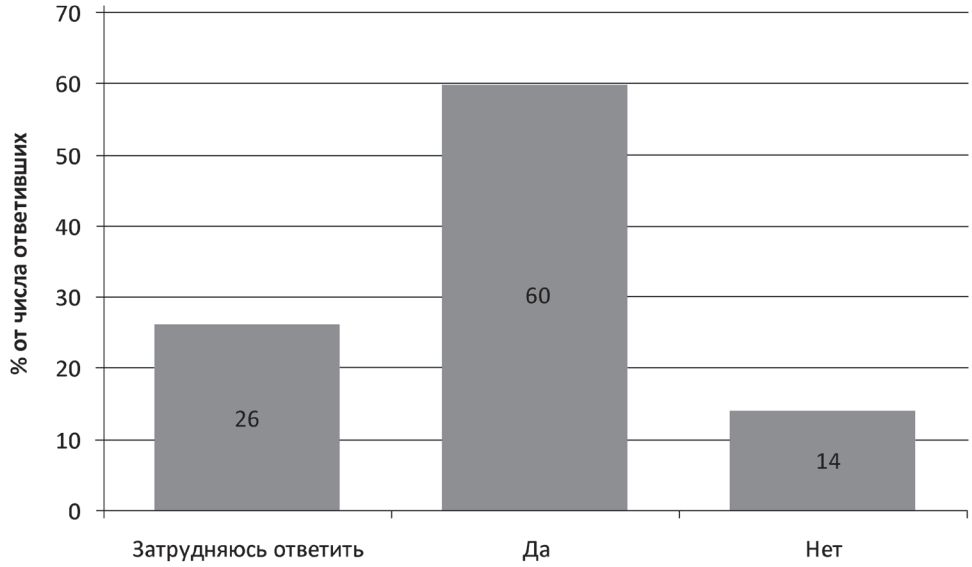

Рис. 3. Удовлетворенность эмигрантов своим социальным статусом

о том, что в целом представители русскоязычной диаспоры во Франции — это разновозрастная группа эмигрантов (с преобладанием молодого поколения), неоднородная по гендерному аспекту, с высоким уровнем образования и материального обеспечения, разнородная по сфере занятости и удовлетворенная своим социальным статусом.

Мы полагаем, что одним из важных элементов, влияющих на культурную идентичность представителей русскоязычных эмигрантов, является период проживания эмигрантов во Франции. Исследование показало, что около 60,0 % респондентов проживает во Франции до 5 лет; каждый пятый эмигрант — от 6 до 10 лет; около 20,0 % респондентов — свыше 10 лет и 9,0 % родились во Франции. Таким образом, мы видим, что в выборку исследования попали респонденты последней волны русскоязычной эмиграции во Францию. Безусловно, во Франции проживает гораздо большее число эмигрантов более ранних волн. Однако сложность исследования заключалась в том, что русскоязычные эмигранты проживают на всей территории Франции. Поэтому опросить в равной пропорции представителей всех волн русскоязычной эмиграции оказалось достаточно сложно.

На наш взгляд, на интеграцию в чужую культуру, успешную адаптацию в ней, сохранение старой или принятие новой культурной идентичности влияет тот факт, с каким настроением люди покидают родную страну (эмоциональный компонент культурной идентичности). Исследование выявило неоднозначное отношение респондентов к выезду в чужую для них культуру. Так, 41,0 % респондентов покидало свою страну с хорошим настроением, добровольно и с надеждой на лучшее будущее. У 40,0 % опрошенных эмигрантов при выезде из страны было нейтральное настроение, но тоже оставалась надежда на улучшение своего статуса, материального положения и пр. Каждый пятый покидал свою Родину

с удручающим настроением в силу вынужденных обстоятельств (война в Чечне, Абхазии и Украине, потеря работы, кризис в России, других постсоветских странах и пр.). Весьма интересны причины выбора эмигрантами Франции (рис. 4).

Рис. 4. Причины выбора респондентами Франции для эмиграции

Как видим, основными причинами оказались наличие родственников и знакомых (29,0 %), близость по духу французской культуры (27,0 %), хорошее знание языка (30,0 %). Для 11,0 % опрошенных эмигрантов Франция оказалась единственно возможной страной для выезда. Каждый пятый респондент указал другую причину, в частности, приглашение на работу во Францию, замужество, учеба, а затем — работа в этой стране. Как видим, причины выбора Франции для проживания также способствовали успешной интеграции части респондентов в принимающую культуру. Хочется сразу отметить, что русскоязычная эмиграция в этой стране имеет достаточно сильные диаспоральные связи. Об этом свидетельствует, во-первых, выбор страны проживания; во-вторых, помощь в решении возникающих проблем; в-третьих проведение досуга.

Для нашего исследования большое значение имеет выявление проблем, возникших у эмигрантов при переезде в другую страну. Так, большой процент опрошенных эмигрантов (81,0 %) указал на их наличие. Исследование показало, что самой существенной проблемой, ее выделили 70,0 % респондентов, оказалась «сложность в общении». Каждый третий указал на то, что эта проблема возникла из-за плохого знания языка, каждый четвертый считает, что проблема возникла из-за незнания французской культуры. Примерно такой же процент респондентов указал на то, что у них возникли бытовые проблемы, что вполне естественно и коррелирует с первой по значимости проблемой. Человек, плохо общающийся с местными жителями, не знающий язык и культуру принимающей

стороны, так или иначе сталкивается и с проблемами в быту. К тому же разница в менталитете и культуре, обычаях — все это существенно влияет на бытовые условия эмигрантов.

Третьей по значимости проблемой стало «чувство одиночества в новой культуре». На эту проблему указал каждый третий респондент. И это, на наш взгляд, вполне естественно, так как, попадая в новую культуру, человек сталкивается с необычными для него условиями и ищет поддержку со стороны друзей или знакомых. На этом этапе существенную роль в адаптации играет диаспора. Около 30,0 % респондентов выделили еще одну существенную проблему — «поиск работы», что тоже вполне естественно. Большинство из них приехало во Францию не в лучшие для страны времена, когда в Евросоюзе наблюдается кризис: «Сейчас из-за кризиса даже французам сложно найти работу, не говоря о нас, эмигрантах, с нашими “советскими” дипломами» (*Андрей, 34 года, частный предприниматель, г. Ницца*). Каждый шестой эмигрант испытал на себе неприязнь местных жителей. Чаще всего эта проблема возникает в маленьких городах, в регионах, где мало эмигрантов. «Я явно выделялась, когда мы жили в маленьком городе в Нормандии. Первые месяцы даже простой поход в магазин возле дома превращался в целое шоу — все смотрели и шептались за спиной. Даже не знаю, что они там говорили, хорошее или плохое. Просто неприятна сама ситуация» *(Наталья, 35 лет, фитнес-тренер, г. Ницца*).

Как видим, значительному числу эмигрантов первоначально было сложно интегрироваться в чужую для них культуру, обрести новую культурную идентичность, сохраняя при этом старую.

Кто помогал и помогает эмигрантам в решении их проблем?

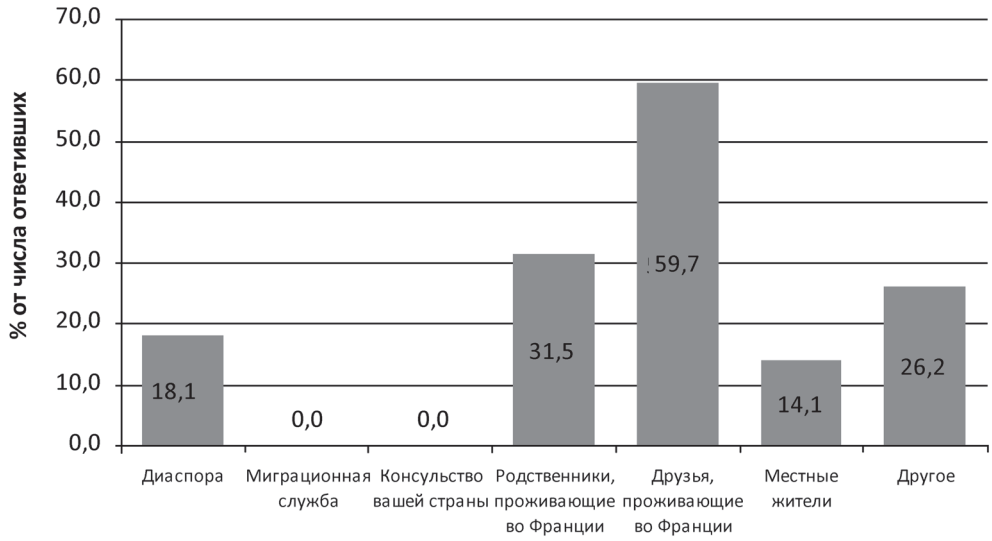

Рис. 5. Оказание помощи эмигрантам при возникновении у них проблем

Как видим из рис. 5, большинство респондентов при возникновении проблем обращаются к друзьям, проживающим во Франции (58,0 %), 31,0 % — к родственникам; 14,0 % указали на местных жителей, а 18,0 % — на диаспору. Таким образом, практически каждого пятого эмигранта поддерживает диаспора. Она способствует, с одной стороны, успешной адаптации эмигрантов в новой для них культуре, а с другой — поддержанию и сохранению старой культурной идентичности. Исследование показало, что существует две ветви русскоязычной диаспоры (условно мы их назвали «диаспора севера» и «диаспора юга» Франции). Основанием для классификации диаспор нами избран род их деятельности. Важно отметить, что диаспора в Париже («диаспора север») и в Ницце («диаспора юг») явно отличаются по своей организации, традициям, роли в жизни эмигрантов, оказанию поддержки и помощи. «Диаспора севера» менее активна, чем «диаспора юга». В Париже все встречи и общение ограничиваются встречей в церкви. Конечно, есть различные кружки для русскоязычных детей (театральные, литературные, танцевальные), которые организовали русскоязычные эмигранты. Но организованной диаспоры как таковой в Париже нет. «Тут, в Париже, каждый сам за себя. Есть русскоязычные друзья, но это пара человек. Я работаю с русскоязычными эмигрантами и общаюсь с ними в основном на работе» (*Александра, 34 года, мастер по маникюру, г. Париж*).

Что касается «диаспоры юга», то она активно участвует в жизни русскоязычных эмигрантов: организует различные культурно-тематические вечера, пикники, кружки для детей, тематические и спортивные прогулки. Кроме того, члены диаспоры активно оказывают помощь эмигрантам в трудных жизненных ситуациях: «Мы как одна большая семья. В последний раз мы помогли одной девушке, которая осталась с двумя детьми, на седьмом месяце беременности на улице» (*Андрей, 34 года, частный предприниматель, г. Ницца*). В итоге можно сделать вывод, что основную поддержку и помощь русскоговорящие эмигранты получают внутри диаспоры. Соответственно это не способствует формированию новой культурной идентичности.

В исследовании нам представлялось важным выявить мнение русскоязычных эмигрантов о французской культуре при их переезде во Францию. Именно оно, на наш взгляд, имеет решающее значение для оценки особенностей культурной идентичности эмигрантов. Мы получили следующие результаты. На вопрос, какие ассоциации возникают у респондентов с французской культурой, 58,0 % опрошенных отметили, что она «дружелюбная, вызывает только положительные эмоции»; каждый третий респондент считает, что «никаких особых эмоций эта культура не вызывает». Однако по мере знакомства с этой культурой, проживая в стране более длительное время, 70,0 % опрошенных нами эмигрантов изменили свое отношение к культуре Франции и стране в целом: 73,0 % указали на более положительное отношение к Франции с течением времени, 27,0 % отметили, что их отношение к ней изменилось в худшую сторону.

Среди причин, способствовавших улучшению отношения, наиболее существенными оказались «адаптация», «семья», «наличие работы», «наличие хорошего материального положения». Именно эти причины, по мнению респондентов, способствовали изменению отношения эмигрантов к стране в лучшую сторону.

Главными причинами ухудшения отношения к стране проживания стали «невозможность получить гражданство», «неприязнь местных жителей», «большое количество мусульманского населения». Наше исследование показало, что у большинства опрошенных мнение о стране пребывания изменилось в лучшую сторону, чему способствовал ряд положительных моментов (узнавание этой культуры, улучшение благосостояния, отношения с местным населением и пр.). Это, по нашему мнению, во многом способствует приобщению эмигрантов к чужой культуре и соответственно обретению ими новой культурной идентичности.

Несмотря на то что у большинства эмигрантов отношение к французской культуре изменилось в лучшую сторону, 86,0 % опрошенных считают русскую культуру более близкой, нежели французскую. Лишь каждый десятый респондент указал на то, что французская культура сегодня для них является более близкой, нежели их родная культура. Такой же процент опрошенных отметил, что они придерживаются традиций родной культуры, проживая на территории Франции. При этом третья часть опрошенных респондентов говорит о том, что они, поддерживая традиции родной культуры, знают о традициях французской культуры и стараются их соблюдать.

О каких традициях принимающей культуры знают респонденты? Исследование показало, что эмигранты знают французские праздники (как правило, отмечают и русские, и французские праздники), французские песни, танцы, национальную кухню (однако предпочитают блюда русской кухни). Что касается языка, то 60,0 % опрошенных предпочитают с русскоязычными эмигрантами общаться на русском языке, 24,0 % выбирают язык общения в зависимости от обстоятельств, и лишь каждый десятый респондент при любых обстоятельствах предпочитает общаться на французском языке. Подводя итог исследования специфики культурной идентичности представителей русскоязычных эмигрантов в современной Франции, можно сделать следующие выводы об ее особенностях.

Исследование современного состояния культурной идентичности представителей русскоязычных эмигрантов позволило выделить тенденцию активного приобщения к культуре страны пребывания 30,0% русскоязычных эмигрантов при сохранении прежней культурной идентичности. Большинство русскоязычных эмигрантов поддерживают культурную идентичность страны исхода. Поддержанию культурной идентичности страны исхода эмигрантам во многом способствует «диаспора юга» Франции.

Исследование показало, что по своему быту, образу жизни и культуре большая часть эмигрантов (около 60,0 %) продолжают оставаться бывшими «русскими людьми». Однако они являются носителями ценностей чужой для Франции культуры и, следовательно, продолжают оставаться для нее иностранцами. Поэтому, чтобы не потерять свою индивидуальность, свою культурную идентичность, принимающая культура вынуждена оказывать сопротивление эмигрантам.

Исследование зафиксировало, что в условиях глобализации культурная идентичность может носить транзитный, переходный характер, когда идентичность не опирается на ближайшую культурную среду, а ищет в меняющемся социуме новые формы социокультурного взаимодействия с представителями разных культур (20,0 % респондентов).

В этих условиях большее значение приобретает социологический анализ культурной идентичности русскоязычной диаспоры, проживающей в культуре Франции. Не менее важными являются вопросы, связанные с тем, в какой степени и какими способами эмигранты достигают соответствия (совместимости) с новой для них культурной средой, принимая или отвергая ее, насколько они способны приобрести новую культурную идентичность или сохранить старую.

---

1. *Киммель Н. В.* Особенности русскоязычной диаспоры в мусульманских странах: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2011.

2. *Ядов В. А.* Социальные и социопсихологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Социальная идентификация личности / под ред. В. А. Ядова; Ин-т социологии РАН. М., 1993.

3. *Ядов В. А.* Социальная идентификация в кризисном обществе [Электронный ресурс]. URL: http: //www. knowledge.isras.ru/sj/sj/94-1-3.html (дата обращения: 21.02.2015).

4. *Mucchiell A. I.* Les fondements de l'identite psychosociologique (Professeur aux Universités de Montpellier) // Presses Universitaires de France, 2013.

5. *Charaudeau P.* Réflexions sur l'identité culturelle. Un préalable nécessaire à l'enseignement d'une langue in Gabry J. et alii, Ecole, langues et modes de pensée, CRDP Académie de Créteil, France, 2005, 65.

Рукопись поступила в редакцию 16 сентября 2015 г.

УДК 314.74 + 316.324:316.42

М. С. Куропятник

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ И МИГРАНТЫ: ПАТТЕРНЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Процессуальный подход к изучению культурного многообразия позволяет перейти от перспективы статичных, дескриптивных определений групп населения как коренных народов и мигрантов к фокусу на паттернах репрезентации ими культурной идентичности в контексте глобализации. Речь идет не только о расширении границ саморефлексии коренных народов и мигрантов, но и о поисках ими новой легитимной парадигмы концептуализации, творческого переосмысления своего культурного достояния путем конструирования или освоения таких социальных контекстов, где индигенная идентичность или идентичность мигрантов в той или иной форме становятся релевантными.

Ключевые слова: социальная антропология, глобализация, коренные народы, мигранты, культурная идентичность, паттерны репрезентации культуры.

Современная социально-антропологическая рефлексия процессов формирования культурного разнообразия сопряжена с такими важными методологическими и эпистемологическими вопросами, как реконфигурация контуров пространства коллективной идентификации и репрезентации культурной принадлежности локальных сообществ. Будучи вовлеченными в транслокальные социальные,

© Куропятник М. С., 2015